

Светлана БОРЗУНОВА

ЛЮБОВЬ НЕ ПРОХОДИТ

Светлана Борзунова по рождению сибирячка. Закончила филологический факультет Томского государственного университета, стала журналистом. Стихи ее печатались в журналах «Смена», «Литературная учеба», «Сибирские огни», в альманахе «Истоки», в коллективных сборниках в Москве и Новосибирске. С. Борзунова была участницей VIII Всесоюзного совещания молодых литераторов. Сейчас она живет в Благовещенске. Дальневосточному читателю стихи ее знакомы по коллективному сборнику «Радуга», вышедшему в прошлом году в Хабаровском книжном издательстве.

* * *

Был дом. И я была душою дома.
Все окна выходили на зарю.
Несчастливым это чувство не знакомо:
мой мир прекрасен, я его творю.
От счастья просыпаясь на рассвете,
теплом и светом наполнялся кров.
Здесь пели птицы, подрастали дети,
и этим миром правила любовь.
Как получилось? Будто и не с нами,
Я не умею объяснить себе,
как женщина с холодными глазами

прошла шутя по дому и судьбе.
Я понимаю — вовсе не нарочно:
в борьбе за жизнь все средства хороши.
Дом устоял. Он был построен прочно.
Но только в доме больше нет души.

* * *

По вечерам сгущается тоска,
и вместе с нею входит в дом без стука
тень женщины, беспечна и легка, —
мой дом вести, моих детей баюкать.
Она полна веселья и огня,
хоть это вовсе не пристало тени.
Смеется, шутит, оттолкнув меня,
к любимому садится на колени.
Любое из моих законных прав
пришлица, играя, отнимает.
И кто из нас — иллюзия, кто — явь,
я и сама уже не понимаю.

* * *

Давай с тобой сыграем эту боль.
С тобой жена, со мною муж и дети...
На сцене к молодящейся Джульетте
спешит Ромео, исполняя роль.
Ну что поделывать, пьеса не нова,
и далеко не молоды актеры.
Но удержи нечестные укоры:
ведь вечны, вечно молоды слова.
И потому звучать им вновь и вновь
отчаянно, взволнованно и чисто.
Мы все — лишь неумелые статисты
в спектакле под названием «Любовь».
И почему-то нужно для него
собрать всю силу воли и характер,
чтоб сдержанно раскланяться в антракте
и разойтись. И больше ничего.

* * *

Сон, снявшийся к рассвету, был нелеп.
Но всякий раз с завидным постоянством
на кромке утра, в разжиженной мгле
вершилось надо мной его тиранство,

Не рассказать об этом. Снялась смерть.
Всегда в метафизическом наряде.
Всегда различно. Этот сон стереть
из памяти мне удавалось за день.
Уборка, стирка, магазин, базар —
круг, чуждый философским идеалам.
Но ночью снова накрывал кошмар
удушливым колючим одеялом.
В последний раз пригрезился забой,
обвал, пожар, мятущиеся лица.
И в этом сне мы встретились с тобой.
И с той поры он больше мне не снится.

* * *

Соблазн сюжетности судьбы
знаком поэтам и провидцам.
«Совпало так, как если бы, —
в ошеломленье очевидцы, —

поэт предвидел свой конец...»
Конечно, он его предвидел.
Свою судьбу творит творец,
не только за бумагой сидя.
Тут никакой загадки нет,
но невозможно жить иначе,
не подгоняя под ответ
неразрешимую задачу.

* * *

Извините, слабых не люблю.
(Речь идет о духе, не о теле.)
Им опасно доверяться в деле,
их опасно подпускать к рулю.
Даже два столпа — любовь и дружбу —
слабость может пальчиком подрывать.
Это ложь, что слабые добры.
Слабость — беспощадное оружие.

* * *

Любовь не проходит. Но вечной
любови не бывает.
Душа устает, и не нужно ее укорять.
Давай помолчим. Я уеду
последним трамваем,
пока еще больно, пока еще есть
что терять.
И годы спустя эту книгу
с трамвайным билетом,
что вместо закладки, открою
на той же строке.
Любовь не проходит. С годами
становится светом,
дорожкой лунной на быстротекущей реке.

* * *

Куда нам в святые —
нам только б друзей не предать.
Себя предавать мы умеем еще с колыбели.
Причин миллионы. Допустим, заела среда.
Допустим, устали. Допустим,
не очень хотели.
Немало себя мы растратили, лгать научась.
Немало иллюзий по жизни
рассеялось дымом.
Друзья — наша совесть. Друзья —
наша лучшая часть.
Избави нас бог от измены
друзьям и любимым.